

УДК 347

**ПРОБЛЕМАТИКА ИНСТИТУТОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ И
ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ МЕР
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Сибилев И. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В рамках настоящего исследования проведен анализ понятия и сущности двух доминирующих разновидностей правовых мер ответственности за нарушение договорных обязательств – институты возмещения убытков и взыскания неустойки. Удалось определить не только содержательные особенности данных правовых явлений, но также проследить их применимость во взаимосвязи друг с другом. В части изучения института возмещения убытков раскрывается двойкий характер правоохранительной меры. Удалось определить прикладную проблематику, в том числе, в части затруднений в установлении причинно-следственной связи между произошедшими действиями и негативными последствиями.

Касательно института взыскания неустойки удалось, посредством анализа актуальной судебной практики, проследить оценочный характер выявления оснований и размеров возможного снижения суммы неустойки в договорных обязательствах. Отдельным достижением исследования является наличие теоретических наработок в части решения перечисленных прикладных коллизий.

Ключевые слова: возмещение убытков, взыскание неустойки, штраф, пеня, просрочка платежа, договорные обязательства, должник и кредитор.

Наиболее благоприятным состоянием в сфере гражданско-правовых взаимоотношений сторон является соблюдение и надлежащее исполнение возложенных на них обязательств, а также реализация предоставленных законодательством прав в установленных пределах. Процедура заключения гражданско-правового договора призвана реализовать действенный механизм соблюдения оговоренных условий, формируя новый правовой статус для его участников. В случае, если один из субъектов (либо оба) безосновательно отказываются от выполнения своей части обязательств или иным образом препятствуют получению конечного результата (товара, услуги и т.д.), наступают негативные последствия, как для контрагента, так и всей системы гражданско-правового оборота в целом. Закономерной реакцией является реализация института ответственности за нарушение договорных обязательств, представляющего собой механизм восстановления и защиты нарушенного права.

Гражданское законодательство предполагает регулирование отношений между равноправными участниками договора, не находящимися в состоянии власти и подчинения, либо ином управленческом взаимодействии, в связи с чем нарушение договора любой из сторон автоматически налагает на него обязательство по восстановлению нарушенного права. Более того, в случае применения мер гражданско-правовой ответственности имущественного характера, реализуется восстановление имущественного права самого потерпевшего, а не вред, причиненный неправомерными действиями государственным (общественным) интересам. Выделенные особенности отличают гражданско-правовую ответственность за нарушение договорных обязательств от иных видов ответственности, например, административной или уголовной, носящих публичный характер. Таким образом, опираясь на доктрину, определим, что гражданско-правовую ответственность в контексте настоящего исследования следует понимать как «правоотношение, возникающее на основании

закона или договора, имеющее как результат неблагоприятные последствия имущественного характера на стороне правонарушителя, в целях восстановления или компенсации нарушенного права потерпевшего, обеспеченного возможностью государственного принуждения и сопровождающегося публичным осуждением правонарушения и его субъекта» [1].

Ключевые аспекты ответственности за нарушение обязательств регламентируются специальной Главой 25 ГК РФ. Анализ последней позволяет определить следующие разновидности мер ответственности: возмещение убытков; неустойка; потеря задатка; утрата права собственности на заложенное имущество и т. д.

Данный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен. Так, в 2015 г. введена специфичная мера ответственности за нарушение обязательств - возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств. Нововведение рассчитано на урегулирование правоотношений между лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью, путем внесения соответствующих условий в заключаемое соглашение. В целом, норма, несмотря на ее относительно «молодой» характер, функционирует достаточно успешно.

Гораздо большее количество теоретических и прикладных вопросов возникает при реализации таких мер ответственности, как возмещение убытков и взыскание неустойки. Обнаруженные в результате изучения судебной практики в анализируемой сфере пробелы и коллизии обуславливают актуальность данного исследования.

Итак, возмещение убытков является одной из наиболее распространенных форм реализации ответственности за нарушение обязательств в отечественной гражданско-правовой среде. Данная разновидность ответственности применима практически ко всем случаям гражданско-правовых нарушений, за исключением случаев, когда в договоре предусмотрены иные условия.

В соответствии с ч. 1 ст. 393.1 ГК РФ: «В случае, если неисполнение или ненадлежащее исполнение должником договора повлекло его досрочное прекращение и кредитор заключил взамен его аналогичного договора, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы или услуги по условиям договора, заключенного взамен прекращенного договора» [2]. Ч. 2 ст. 393 того же закона закрепляет, что «возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом» [2]. Таким образом, а также с учетом положений ст. 15 ГК РФ, законодатель истолковывает убытки как определенные потери (расходы, недополученные доходы), которые понесла пострадавшая сторона в результате недобросовестных действий контрагента. В свою очередь, возмещение убытков порождает собой меру ответственности должника перед кредитором за причиненные имущественные потери (последствия), в соответствии с которой должник (нарушитель) обязан своими действиями произвести восстановление нарушенного им права. В контексте анализа договорных обязательств и применения договорного вида ответственности, соответственно, необходимо, в первую очередь, установить факт наличия двух взаимосвязанных аспектов: наличие договора, породившего правоотношения, а также неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенных договорных обязательств хотя бы одной из сторон.

На наш взгляд, институт возмещения убытков следует рассматривать в контексте двух составляющих гражданско-правовых отношений: как способ защиты нарушенного права (в контексте реализованной законодателем правовой возможности на осуществление действий со стороны потерпевшей стороны по восстановлению положения, существовавшего до правонарушения – материальный аспект); как меры ответственности за совершенное правонарушение (а именно – как процедуры восстановления нарушенного права, а также реализации карательной функции по отношению к лицу, нарушившему соглашение – процессуальный аспект).

Считаем необходимым реализовать дальнейший анализ института возмещения убытков через призму положительного и отрицательного характера возлагаемой ответственности. Положительная (или позитивная) сторона возмещения убытков заключается в обеспечении такого положения пострадавшей стороны, которое существовало бы и в отсутствие произведенного нарушения. Отрицательный (негативный) интерес выражен в возмещении пострадавшей стороне расходов, понесенных в результате неоправданных ожиданий о добросовестном исполнении контрагентом своих обязательств.

Ключевая цель института возмещения убытков – восстановительная. Во исполнение заданной цели необходимо определить, что следует понимать под правовой дефиницией «убытки». В отечественной доктрине (а затем – и в законодательстве) устоялось мнение, что в гражданско-правовом понимании «убытки состоят из причиненного ущерба и упущенной выгоды. Кредитор при предъявлении требований к должнику обязан доказать наличие убытков: причиненного вреда, упущенной выгоды, утраты и повреждения имущества» [3]. Итого, причиненный ущерб – это фактически понесенные расходы пострадавшей стороны, которые последний будет вынужден реализовать для восстановления своего нарушенного права. Упущенная выгода – понятие менее конкретизированное, заключающееся в гипотетически полученных доходах субъектом договорных отношений в том случае, если бы условия соглашения были удовлетворены надлежащим образом. Учитывая оценочный характер данной категории, размер упущенной выгоды в каждой отдельно взятой ситуации неоднозначен, в связи с чем чрезмерно субъективен. Тесно взаимосвязанной с данными обстоятельствами проблемой является возможность установления конкретных сумм, понесенных имущественных и/или финансовых убытков. Обратимся к судебной практике.

Таганрогским городским судом 21 июня 2017 г. по делу № 2-3745/2017 было принято решение о частичном удовлетворении исковых требований истца Клепова С.В. к ответчику Шатский С.В. Между сторонами был заключен договор купли-продажи автомобиля, который, как стало известно позже, был обременен залоговым обязательством (на который Юни Кредит Банк обратил взыскание как на предмет залога в дальнейшем). Истец (покупатель) обратился с просьбой о возмещении ущерба, а также затрат на проезд, судебные расходы и моральный вред. В части неудовлетворенных требований суд указал, что «необходимость расходов для защиты своего права учитывается при определении размера убытков ... В данном случае истец мог не получать Кредит и не погашать задолженность Шатский С.В. и при обращении взыскания на автомобиль мог получить от Юни Кредит Банк разницу между стоимостью автомобиля и задолженностью ответчика. Кроме того, истец мог защищать свои права, ссылаясь на то, что он является добросовестным приобрета-

телем ... При таких обстоятельствах следует признать, что истцом не доказана необходимость для защиты своих прав расходов в размере процентов за пользование Кредит, поэтому иск в этой части удовлетворению не подлежит» [4]. Иными словами, добровольное погашение истцом задолженности Шатского С.В. хотя и было признано судом косвенными убытками, однако под категорию неосновательного обогащения не подходят.

Острой проблемой в анализируемой сфере является законодательно установленная необходимость в установлении причинно-следственной связи между произошедшими действиями и негативными последствиями. При том, по смыслу ст. 15 и 393 ГК РФ, обязанность по выявлению указанной взаимосвязи лежит на кредиторе. Так, исходя из содержания решения Чесменского районного суда от 21.02.2022 по делу № 2-200/2021 установлено, что в мае 2018 г. между ООО «Торговая компания Цегус» и физическим лицом был заключен договор возмездного оказания услуг водителя с сопутствующим оказанием услуг по техническому обслуживанию автомобиля. Однако в мае 2019 г. произошло возгорание обслуживаемого транспортного средства, состоявшееся после осуществления водителем замены топливного фильтра и сепаратора, что, как было установлено, могло повлечь самовозгорание автомобиля. Судом первой и апелляционной инстанции требования ООО «Торговая компания Цегус» о возмещении материального ущерба были удовлетворены. Однако в дальнейшем, суд кассационной инстанции, указал, что «находит их (доказательства) необоснованными и недоказанными. Допустимых, относимых и достоверных доказательств, свидетельствующих о неисправности данного автомобиля, которые привели к возникновению возгорания и которые ФИО1 мог непосредственно обнаружить, в материалы дела не представлено» [5]. Таким образом, истцу в удовлетворении исковых требований было отказано

Таким образом, судебная практика в части анализа института возмещения убытков, вытекающих из договорных обязательств неоднородна и, в то же время, очень многочисленна, что подтверждает ее пробельность и нуждаемость в совершенствовании. На текущем этапе видится возможным и необходимым предложить возможные пути решения вопроса об определении размера упущенной выгоды.

В последние годы законодатель провел действительно результативную работу в части гражданско-правовой регламентации порядка возмещения убытков при прекращении договора. Огромный вклад внесла уже упоминаемая ранее ст. 393.1 ГК РФ. В целом, ч. 1 казанной нормы формирует достаточно четкое представление о механизме определения цены возмещаемого убытка, а именно: как разница между «ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы или услуги по условиям договора, заключенного взамен прекращенного договора» [2]. Но, на наш взгляд, недосказанность в части установления предельных сроков заключения нового договора порождает «лазейку в законе» уже в отношении самого кредитора. Не спровоцирует ли такая нормативная модель возможность по искусственному затягиванию сроков вступления в новые договорные отношения со стороны последнего, в целях увеличения конечной суммы образуемой ценовой разницы? Данное предположение вполне обоснованно может перерасти в новую траекторию мошеннических мероприятий. В связи со всем вышеизложенным, представляется необходимым внести дополнение в ч. 1 ст. 393.1 ГК РФ указав на предельно допустимый срок заключения нового соглашения взамен прекращенного договора.

По этой же причине вызывает некое беспокойство и ч. 2 ст. 393.1 ГК РФ. Эта норма призвана урегулировать отношения в части уже заключенного нового договора, а именно – в установлении правовой возможности кредитора по возмещению с должника убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой текущего соглашения. В данном случае у кредитора появляется маневренная возможность по искусственному завышению цены договора. В отсутствие предельно установленных сумм, недобросовестным контрагентом может быть принято решение о целенаправленном утверждении такой текущей цены, которая бы кратно превышала размер изначально оговоренной. В связи с чем также представляется возможным дополнить анализируемую норму указанием ограничения на максимальную цену нового соглашения. Очевидным является то, что регламентация конкретно взятой суммы является неразумным и необъективным решением, в связи с чем представляется возможным закрепить максимально допустимый стоимостный предел, посредством указания на, например, невозможность заключения кредитором сделки, превышающей цену первоначальной, более чем в три раза.

Однако коллизийные вопросы применимости института возмещения убытков не являются единственно важными в контексте правовых мер ответственности за нарушение договорных обязательств. «Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2017 г. содержит информацию о том, что из 1,7 млн. рассмотренных арбитражными судами споров 23 тыс. касались взыскания убытков и 216 тыс. исков о взыскании неустойки» [6]. Анализируемые цифровые значения демонстрируют не меньшую востребованность института взыскания неустойки в современной отечественной практике.

Понятие неустойки законодательно регламентировано в рамках ч. 1 ст. 330 ГК РФ, в соответствии с которой: «Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения» [7]. Несмотря на то, что взыскание неустойки в понимании отечественного законодателя представляет собой исключительно способ обеспечения исполнения обязательств (о чем свидетельствует расположение пар. о неустойке в рамках гл. 23 ГК РФ), как видится, по аналогии с институтом возмещения убытков, взыскание неустойки как гражданско-правовое явление, также следует рассматривать в контексте 2-х составляющих: как способ защиты нарушенного права (представляет собой механизм обеспечения обязательств); как меры ответственности за совершенное правонарушение (форма ответственности должника перед кредитором).

Причиной реализуемого подхода является следующее предположение: в ситуации, когда после неисполнения обязательства назначается взыскание неустойки (например, в виде пени), последняя продолжает начисляться достаточно продолжительный промежуток времени уже на просроченную задолженность. Исходя из описываемых обстоятельств, неустойка, как следствие, помимо непосредственного исполнения обязательств, реализует также стимулирующую функцию в отношении должника, побуждая последнего исполнить обязательство в сокращенные сроки.

В контексте проводимого анализа, становится очевидной необходимость в соотношении явлений «возмещение убытков» и «взыскание неустойки». С процессуальной точки зрения данные механизмы обеспечения обязательств представляют собой

2 независимых состояний. Если в части возмещения убытков речь идет о компенсации ущерба, нанесенного одному лицу действиями другого лица (или группы лиц), то в отношении взыскания неустойки выплачивается денежная сумма сверх изначально оговоренной, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения обязательства. Иными словами, обязанность в виде возмещения убытков наступает в случае реального причинения материального ущерба, как способ восполнения понесенных потерь. А взыскание неустойки не имеет прямой взаимосвязи с размером убытков, в связи с чем и доказывать факт их наличия не является обязательным условием для кредитора.

В части правовой реализации ГК РФ предусмотрено следующее: «Если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка, то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой» [7]. Таким образом, предусматривается возможность применения одновременного возмещения убытков и взыскания неустойки, однако также возможны ситуации, когда Законом или договором допускается лишь взыскание неустойки, но не убытков и т.д.

Законодатель определяет, что неустойка может быть реализована в виде штрафа (единовременного платежа) и пени (периодического платежа, как правило, назначаемого за каждый просроченный день исполнения обязательств). Во взаимосвязи со второй определяемой формой в литературе достаточно распространенной является точка зрения о нецелесообразности существования института взыскания неустойки в части способа обеспечения обязательств. Причиной тому выступает следующая точка зрения: «шансы оплатить неустойку должником, не исполнившим основное обязательство, становятся эфемерными. В связи с этим общая неплатежеспособность должника лишает неустойку реального обеспечительного значения» [8]. Мы не можем согласиться с приведенным суждением по следующим причинам.

Во-первых, в той части, в которой должник остается платежеспособным, наличие установленной законом и/или договором неустойки формирует у лица дополнительные финансовые обязательства, в связи с чем стимулирует к более оперативному реагированию в вопросе уменьшения сроков выплат (и дополнительных затрат должника, соответственно). Во-вторых, законодатель предопределил достаточно специфичный в части его исполнения, однако, концептуально логичный механизм защиты интересов должника – возможность уменьшения размеров неустойки.

В соответствии с ч. 1 ст. 333 ГК РФ: «Если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку. Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении» [7]. Как показывает практика, именно применимость ст. 333 ГК РФ вызывает споры и разногласия. В особенности, затруднения вызывают вопросы определения суммы пониженной неустойки в случае, если такое решение было принято органом правосудия. Обратимся к судебной практике.

Исходя из содержания решения Читинского районного суда от 25 февраля 2022 г. по делу № 2-218/2022, последним установлено, что Истец ООО «РСО «Тепловодоканал» обратился в суд к физическому лицу, которому оно предоставляло услуги теплоснабжения, водоотведения и водоснабжения. За определенный временной промежуток у ответчика образовалась «задолженность за услуги теплоснабжения, водоотведения и водоснабжения в сумме 56278,59 руб. За несвоевременную оплату

услуги по теплоснабжению, водоотведению и водоснабжению начислена пеня ... 10 504,99 рубля» [9]. Суд, учитывая положения ст. 333 ГК РФ, а также опираясь на то обстоятельство, что уменьшение неустойки в данном случае является правом суда, принял решение о несоразмерности размера неустойки последствиям нарушения обязательства и посчитал возможным снизить размер назначаемой пени до 10 000 руб. Таким образом, разница составляет 504,99 руб.

Другой пример. Шпаковский районный суд Ставропольского края рассматривал обращение истца в суд с иском с заявлением к ООО МКК с просьбой о фиксации суммы основного долга и прекращении начисления процентов на сумму основного долга. Судом было установлено, что между истцом и ООО МКК был заключен кредитный потребительский договор. В связи с наступившим тяжелым материальным положением Истец утратил возможность даже частично выплачивать ежемесячные платежи. По этой причине лицо просит снизить размер неустойки до 20 616 руб. и зафиксировать общую сумму долга.

Также опираясь на положения ст. 333 ГК РФ, в том числе, об относимости востребования снижения размеров неустойки на усмотрение суда, последним был резюмирован факт отсутствия «правовых оснований для удовлетворения заявленных исковых требований, поскольку согласно ст. 56 ГПК РФ стороной истца не предоставлено сведений о размере начисленной банком неустойки подлежащей оплате, в связи с чем применение ст. 333 ГК РФ не представляется возможным, так как невозможно определить ее несоразмерность» [10]. Пример из практики является в некоторой мере нестандартным, т.к. в качестве истца выступает сам должник. Учитывая то, что бремя доказывания несоразмерности неустойки также возлагается на должника, который, по меркам суда, не предоставил неоспоримых доказательств, по исковому заявлению в указанной части было отказано. Таким образом, можно сделать вывод, что практика вынесения судом решения о снижении размера неустойки неоднозначна, а далеко не всегда завершается удовлетворением требований должника.

Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 7: «Несоразмерность и необоснованность выгоды могут выражаться, в частности, в том, что возможный размер убытков кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, значительно ниже начисленной неустойки ... Доводы ответчика о невозможности исполнения обязательства вследствие тяжелого финансового положения, наличия задолженности перед другими кредиторами, наложения ареста на денежные средства или иное имущество ответчика, отсутствия бюджетного финансирования ... сами по себе не могут служить основанием для снижения неустойки» [11]. В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что формирование доказательной базы касательно несоразмерности начисленной неустойки в некоторых случаях весьма затруднительно. В случае, если должнику все же удалось договориться о снижении назначенной суммы, непрогнозируемым остается вопрос о размере определяемых платежей. Коллизия также разрешается путем применения разъяснений ВС РФ и Постановления Пленума ВАС РФ от 22 декабря 2011 г. № 81, где установлено, что соразмерность неустойки определяется путем двукратной учетной ставки (ставок) Банка России, существовавшей в период такого нарушения.

Таким образом, было установлено, что неустойка играет значительную роль как действенная правовая мера ответственности за нарушение договорных обязательств. Возложенная на нее функция стимулирующего и компенсационного воздействия

обуславливает ее востребованность. Тем не менее, отсутствие конкретизированных положений в части общих моделей толкования способов определения допустимости снижения размера неустойки, а также вычисления предельно допустимых размеров неустойки характеризует ст. 333 ГК РФ как недостаточно конкретизированную. Выявленная пробельность влечет за собой коллизийность судебной практики.

Исходя изложенного, видится необходимым и актуальным конкретизировать в рамках анализируемой нормы критерии для снижения размера неустойки, а также детализировать положения законодательного закрепления оснований снижения неустойки. В качестве примера представляется возможным использовать приведенные ранее положения Постановлений Пленума ВС Суда РФ и Пленума ВАС РФ.

Список литературы:

17. Вятчин, В.А. Понятие и отличительные особенности гражданско-правовой ответственности / В.А. Вятчин // Вестник СГЮА. 2012. №3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-otlichitelnye-osobennosti-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti>
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
19. Исигов, Р.С. Институт возмещения убытков. Теоретический анализ / Р.С. Исигов // Закон и право. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-vozmescheniya-ubytkov-teoreticheskiy-analiz>
20. Решение № 2-3745/2017 2-3745/2017~М-3040/2017 М-3040/2017 от 21 июня 2017 г. по делу № 2-3745/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XDRqKDyLCcHk/>
21. Решение № 2-200/2021 2-4/2022 2-4/2022(2-200/2021);~М-175/2021 М-175/2021 от 21 февраля 2022 г. по делу № 2-200/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fK5aHGNaUNVj/>
22. Костарева, К.Б. Особенности доказывания упущенной выгоды / К.Б. Костарева // Символ науки. 2018. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-upuschennoy-vygody>
23. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть первая. 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
24. Крупенич, Е.А. Правовое регулирование неустойки / Е.А. Крупенич // Скиф. 2020. №5-2 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-neustoyki>
25. Решение № 2-218/2022 от 25 февраля 2022 г. по делу № 2-218/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H82GkdNtaQbK/>
26. Решение № 2-693/2022 2-693/2022~М-327/2022 М-327/2022 от 24 февраля 2022 г. по делу № 2-693/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p4GbtDmfZPZw/>
27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/d4e7f2093f945443893cf5c7a37a22097786a433

Sibilev I.A. Problematics of institutions of compensation for losses and recovery of penalties in the context of legal measures of liability for violation of contractual obligations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 219–227.

Within the framework of this study, the analysis of the concept and essence of two dominant types of legal measures of liability for violation of contractual obligations – institutions of compensation for damages and recovery of penalties. It was possible to determine not only the substantive features of these legal phenomena, but also to trace their applicability in relation to each other. Regarding the study of the institute of compensation for damages, the twofold nature of the law enforcement measure is revealed. It was possible to identify applied problems, including difficulties in establishing a causal relationship between the actions that occurred and the negative consequences. Regarding the institution of penalty recovery, it was possible, through the analysis of current judicial practice, to trace the evaluative nature of identifying the grounds and the size of a possible reduction in the amount of the penalty in contractual obligations. A separate achievement of the research is the availability of theoretical developments in terms of solving the listed applied collisions.

Keywords: damages, penalty recovery, fine, penalty fee, late payment, contractual obligations, debtor and creditor

Spisok literatury:

1. Vyatchin, V.A. Ponyatie i otlichitel'nye osobennosti grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti / V.A. Vyatchin // Vestnik SGYUA. 2012. №3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-otlichitelnye-osobennosti-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti>
2. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 16.04.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

3. Isigov, R.S. Institut vozmeshcheniya ubytkov. Teoreticheskij analiz / R.S. Isigov // Zakon i pravo. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-vozmeshcheniya-ubytkov-teoreticheskij-analiz>
4. Reshenie № 2-3745/2017 2-3745/2017~M-3040/2017 M-3040/2017 ot 21 iyunya 2017 g. po delu № 2-3745/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XDRqKDyLCcHk/>
5. Reshenie № 2-200/2021 2-4/2022 2-4/2022(2-200/2021;)~M-175/2021 M-175/2021 ot 21 fevralya 2022 g. po delu № 2-200/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fK5aHGNaUNVj/>
6. Kostareva, K.B. Osobennosti dokazyvaniya upushchennoj vygody / K.B. Kostareva // Simvol nauki. 2018. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-upushchennoj-vygody>
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (GK RF). CHast' pervaya. 30 noyabrya 1994 goda N 51-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
8. Krupenich, E.A. Pravovoe regulirovanie neustoyki / E.A. Krupenich // Skif. 2020. №5-2 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-neustoyki>
9. Reshenie № 2-218/2022 ot 25 fevralya 2022 g. po delu № 2-218/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H82GkdNtaQbK/>
10. Reshenie № 2-693/2022 2-693/2022~M-327/2022 M-327/2022 ot 24 fevralya 2022 g. po delu № 2-693/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p4GbtDmfZPZw/>
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 N 7 (red. ot 22.06.2021) «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/d4e7f2093f945443893cf5c7a37a22097786a433